МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Пол Уильям Андерсон
Волна мозга

Сканирование, распознавание и вычитка Grey Monk
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159988
Оригинал: PoulAnderson, “Brain Wave”

Аннотация

Ранний роман «Волна мозга», оригинально трактующий тему сверхчеловека (причиной «интеллектуального рывка» человечества становится загадочная сила, в зону прямого действия к-рой попадает Солнечная система).

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 33
Глава 4 47
Глава 5 64
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Пол Андерсон
Волна мозга

Глава 1

Ловушка сработала на закате. Пока красноватый свет заходящего солнца еще не померк, кролик кружил по ней, тычась в стенки, но вскоре страх и отчаяние взяли верх, и он, дрожа, забился в угол. Когда пришла ночь и на небе появились звезды, он продолжал сидеть на том же месте, боясь пошелохнуться. Однако стоило взойти луне, отразившейся холодным светом в его огромных глазах, как кролик повел головой и стал всматриваться в тонувший во мраке лес.

Зрительный аппарат кролика был устроен так, что сфокусировать взгляд на предметах, находящихся рядом, ему было крайне сложно, и все же через какое-то время он вдруг ясно различил вход в ловушку. Стоило ему войти вовнутрь, как тяжелая деревянная дверца скользнула вниз, перекрыв ему дорогу назад. В призрачном лунном свете все казалось ему нереальным. Кролик внутренне напрягся и, вновь увидев перед собой падающую дверцу, тихо пискнул от ужаса. Теперь эта твердая темная дверца была прямо перед его носом, из-за нее слышалось дыхание леса. Она была вверху и вместе с тем была внизу – с такого рода двойственностью «теперь-то-

гда» кролик сталкивался впервые.

Луна поднималась все выше в усеянном звездами небе. Где-то совсем рядом заухала сова, и кролик мгновенно застыл, ощутив спиной движение ее призрачных крыльев. Недоумение и страх слышались в совином крике, он исполнился новой, неведомой прежде боли. Вновь стало тихо. Еле приметные привычные ночные шорохи и запахи окружали кролика. Он так и сидел, глядя на дверцу, раз за разом вспоминая ее падение.

Начинало сереть. Луна уже клонилась к горизонту.

Кролик, вероятно, даже немного всплакнул на свой кроличий манер. В тусклом свете занимающегося утра среди серых стволов деревьев ясно вырисовывались прутья западни. Дверца, в отличие от стенок, имела и поперечину.

Кролик медленно двинулся к выходу. Оказавшись возле решетки, отсекшей ему путь назад, он испуганно съежился. Решетка пахла человеком. Кролик уперся в нее мордочкой и почувствовал, как ему на нос упали холодные капельки росы. Решетчатая дверца не поддавалась. И все же совсем недавно она упала вниз.

Припав к земле, кролик уперся в нижний край поперечины и попытался распрямиться. Решетка дрогнула. От возбуждения дыхание кролика стало шумным и частым. Он напрягся изо всех сил, отчего решетка скользнула вверх по своим направляющим, и он, юркнув в возникшую щель, вновь оказался на свободе.

Кролик на мгновение даже ошалел, но тут за его спиной раздался стук вернувшейся на место дверцы, и он стремглав понесся к лесу.

Арчи Брок, занимавшийся корчевкой пней на северной делянке, здорово припозднился. Господин Россман хотел, чтобы эта работа была закончена уже к среде, так, чтобы он мог побыстрее распахать свое новое поле. За срочность он пообещал Броку дополнительную плату. Арчи взял с собой обед и работал дотемна. Три мили, отделявшие его от дома, он должен был отмахать пешком – ни «джип», ни трактор ему не доверяли.

Он чувствовал себя изрядно усталым, и если о чем-то и думал, то разве что о пиве. Мысли приходили и уходили сами, он не звал, но и не гнал их. По обеим сторонам дороги темнел лес. Деревья отбрасывали на посеребренную лунным светом просеку длинные тени. Стрекотали сверчки, раз или два заухала сова. Будь у него ружье, он бы с ней вмиг разобрался, иначе она могла перетаскать у них всех цыплят. Охотиться господин Россман ему разрешил.

Сегодня с его головой творилось что-то странное. Обычно он шел себе и шел, и всякие разные мысли ему особенно не досаждали, но сейчас – наверное, не без влияния луны – ему в голову лезла всякая всячина. Слова возникали в голове сами собой, словно кто-то говорил их. Он подумал о мягкой постели и о том, как славно было бы возвращаться с

работы не пешком, а на машине. Впрочем, окажись он за рулем, он тут же куда-нибудь влетел бы, – в этом Арчи Брок не сомневался. Странное дело, вроде бы все так просто – верти баранку, да не засыпай за рулем, и только, – так нет же, все куда сложнее.

Лесная тишь нарушалась лишь звуком его шагов. Он сделал глубокий вдох, набрав полные легкие прохладного ночного воздуха, и задрал голову вверх. Сегодня звезды были особенно большими и яркими.

Новая, вернее, давно забытая мысль пришла ему на ум. Кто-то сказал, что Солнце и звезды – это одно и то же, просто звезды находятся куда дальше. Прежде подобные вещи его нисколько не волновали, но сейчас эта идея буквально ошеломила его. Если это правда, если звезды действительно такие же большие, как солнце, то сколько же до них километров!

Он остановился как вкопанный, почувствовав, как по спине его пробежал холодок. Бог ты мой! Как далеко находятся все эти звезды!

Земля у него под ногами в тот же миг уменьшилась до размеров жалкого камешка, который несся по бескрайней темени мира. Огромные, пышущие жаром светила окружали его. До них было так далеко, что ему почему-то захотелось плакать.

Арчи Брок бегом понесся домой.

Мальчик проснулся рано, хотя стояло лето и в школе не было занятий, а до завтрака была еще уйма времени. Улочка и город за окнами в лучах утреннего солнца казались чистыми и опрятными. Если бы не грузовик, прогромыхавший по мостовой, и не человек в синей рабочей робе, уверенным шагом направлявшийся к маслобойне, сжимая под мышкой судок с обедом, можно было бы подумать, что мир вымер. Отец уже ушел на работу, мать, приготовив завтрак, должна была вновь прилечь на часок, как это обычно и бывало, сестра еще спала. Мальчик был предоставлен самому себе.

Они с другом собирались отправиться на рыбалку, но прежде он хотел заняться моделью. Быстренько умывшись, он стащил из буфета булку и поспешил вернуться в свою комнату, где его ждал полный всевозможных вещей стол. Самолет должен был выйти красавцем – это была «Падающая Звезда» с углекислотным патроном в качестве двигателя. Но как ни странно, он уже не казался мальчику таким уж замечательным, как это было прошедшим вечером. Теперь он мечтал о настоящем реактивном двигателе.

Он вздохнул, отставил модель в сторону и положил перед собой лист бумаги. Ему было десять лет, но он очень любил играть с числами, особенно после того, как один из учителей рассказал ему об алгебре. Некоторые из его одноклассников стали дразнить его за это любимчиком, но он быстро научил их уму-разуму. Что до алгебры, то она оказалась куда интересней тех таблиц умножения, которые они зубрили в шко-

ле, – в ней буквы и числа словно оживали. Помимо прочего, учитель сказал ему и о том, что человек, мечтающий построить ракету, должен прежде всего научиться математике.

Он нарисовал несколько графиков. Различным графикам соответствовали разные типы уравнений. Мальчику это казалось очень забавным. $x=ky+c$ – всегда прямая; $x2+y2=c$ – всегда круг. А если сделать один из иксов равным трем, а не двум? Что при этом произойдет с игреком? Об этом он еще никогда не задумывался!

Он сосредоточенно высунул язык и крепко сжал карандаш в руке. За иксом и игреком можно следить – немножко меняешь одну переменную, и тогда…

Он уже был на пороге открытия дифференциального исчисления, когда вдруг мать позвала его завтракать.

Глава 2

Питер Коринф вышел из-под душа, продолжая напевать что-то бравурное. Шейла стояла у плиты и жарила яичницу с беконом. Взъерошив ее мягкие каштановые волосы, он поцеловал ее в шею, и она, повернувшись к нему, улыбнулась.

– Сама как ангел, – улыбнулся Питер, – а готовит как…

– Пит, ты никогда…

– Не умел найти нужных слов, – закончил он за Шейлу. – Эта истина стара как мир, моя дорогая. – Он склонился над сковородкой и, принюхавшись, блаженно застонал. – У меня такое чувство, что сегодня один из тех редких дней, когда все идет как надо. Впрочем, за хубрис,[1] боги нашлют на меня Немезиду.[2] Явится Ата[3] и неряха Герти спалит оборудование.

– *Хубрис, Немезида, Ата.* – Шейла нахмурила свой лобик. – Эти слова я слышала от тебя и раньше. Что они значат, Пит?

Он зажмурился. Они были женаты вот уже два года, но он все еще был влюблен в свою жену – когда Пит видел Шей-

---

[1] Хубрис – в переводе с греческого «гордыня». (*Здесь и далее примеч. пер.*)

[2] Немезида – в греческой мифологии богиня, наказывающая преступающих закон, дочь Никты (Ночи).

[3] Ата – в греческой мифологии божество, олицетворяющее помрачение ума, дочь Зевса.

лу, внутри у него все буквально переворачивалось. Она была доброй, веселой, красивой, она прекрасно готовила, но, при всем при том, она не принадлежала к интеллектуалам. Когда к ним в гости приходили его друзья, она садилась где-нибудь в сторонке и весь вечер молчала.

– Почему ты об этом спрашиваешь? – осведомился он.

– Мне просто интересно, – ответила Шейла.

Он отправился в спальню и, оставив дверь открытой, стал излагать ей основы греческой драмы. Одновременно с этим он одевался. В такое ясное утро говорить на столь мрачную тему было достаточно странно, однако она слушала его очень внимательно и даже время от времени задавала какие-то вопросы. Когда Пит вернулся в кухню, Шейла с улыбкой подошла к нему.

– Физик ты мой несчастный, – сказала она. – И как это ты умудряешься так пачкаться? Костюм только что из чистки, а глядя на тебя, можно подумать, что ты чинил в нем машину.

Она поправила ему галстук и одернула пиджак. Пит пригладил рукой непокорные темные волосы и сел за стол. Пар, поднимавшийся из кофейника, затуманил стекла его очков. Сняв их, он принялся вытирать стекла галстуком. Его худое лицо со сломанным носом без очков казалось совсем другим – так он выглядел заметно моложе, как раз на свои тридцать три года.

– Едва я проснулся, я тут же все понял, – сказал Пит, намазывая масло на гренок. – Видишь, какое у меня развитое

подсознание?

– Ты что – решил-таки эту свою проблему? – поинтересовалась Шейла.

Он кивнул, продолжая напряженно думать о чем-то своем. Шейла успела привыкнуть к этому – обычно, о чем бы ни шла речь, он ограничивался краткими «да» и «нет», произносившимися всегда кстати, хотя сам Пит при этом был всецело погружен в себя. Его работа представлялась ей чем-то таинственным. Ему же казалось, что Шейла живет в каком-то детском мире – ярком, странном и невразумительном.

– Я хочу создать фазовый анализатор межмолекулярных резонансных связей в кристаллических структурах, – сказал он. – Впрочем, сейчас это не важно. Просто в течение вот уже нескольких недель я ломаю себе голову над одной схемой, но у меня, увы, ничего не выходит. И вот сегодня утром мне в голову пришла одна замечательная идея. Видишь ли…

Взор его затуманился. Он продолжал есть, но делал это скорее по инерции. Шейла добродушно рассмеялась.

– Возможно, я задержусь, – сказал он, стоя уже в дверях. – Если идея подтвердится, я буду работать до тех пор, пока… Впрочем, я тебе в любом случае позвоню.

– Хорошо, милый. Удачи тебе.

Он ушел, но Шейла так и стояла, улыбаясь ему вслед. Пит был… – ей повезло с ним, этим было сказано все. Особенно отчетливо она почувствовала это именно сейчас. Этим

утром все казалось ей необычайно ясным и прозрачным, словно она вновь оказалась в Западных горах, столь горячо любимых ее мужем.

Тихонько напевая про себя, она стала мыть посуду и убирать в квартире. Ей вдруг вспомнилось ее детство, маленький городок в Пенсильвании, школа бухгалтеров, офис их нью-йоркских знакомых, куда четыре года тому назад она поступила на работу… Господи – и как так можно было жить! Бесконечная череда вечеринок и поклонников, все без умолку трещат, все всё знают наперед, невозможно ни на минуту расслабиться… Зато потом, после того как она порвала с Биллом, считавшим ее глупышкой, она вышла за Пита. Ее устраивало и его отношение к жизни, и он сам – скромный тихий человечек.

«Я становлюсь жуткой занудой, – подумала Шейла. – И это, наверное, даже хорошо».

Она превратилась в обыкновенную домохозяйку, которая время от времени встречается с друзьями, чтобы немного поболтать и расслабиться, изредка ходит в церковь, пока ее неверующий супруг нежится в постели, проводит отпуска в Новой Англии или в Скалистых горах, собирается в скором времени обзавестись ребенком… что еще нужно человеку? Ее прежние друзья подняли бы на смех такой образ жизни, отмеченный буржуазностью и исполненный скуки, забывая о том, что их собственная жизнь отличается от жизни «буржуа» разве что набором понятий и ритмом, лишь отдаляю-

щими ее от реальности.

Шейла изумленно затрясла головой. Над подобными вещами она никогда не задумывалась. Даже мысли ее странным образом изменились, они казались ей чужими.

Она покончила с домашней работой и осмотрелась по сторонам. Обычно перед ленчем она отдыхала, читая какой-нибудь дешевый детектив, после этого шла в магазины, гуляла по парку или заходила к одной из подруг, затем надо было готовить ужин и встречать Пита. Но сегодня…

Она взяла со стола книжку в мягкой цветастой обложке, но тут же, раздумав, положила ее обратно и направилась к битком набитой книгами полке Пита. Достав с нее потрепанный томик «Лорда Джима»,[4] она села в кресло. Когда она оторвала глаза от книги, день уже начинал клониться к вечеру.

Коринф встретился с Феликсом Мандельбаумом в лифте. Они были друзьями, что случается с соседями нечасто. Шейла, выросшая в маленьком провинциальном городке, быстро перезнакомилась едва ли не со всем домом. Мандельбаумы жили на их этаже. Сара являла собой идеальную хаусфрау – полненькую, тихую, скромную, приятную и вместе с тем совершенно бесцветную. Муж был прямой противоположностью ей.

---

[4] «Лорд Джим» – роман английского писателя Джозефа Конрада (1857–1924), увидевший свет в 1900 году.

Феликс Мандельбаум родился пятьдесят лет назад в шумном и грязном нижнем Ист-Сайде; жизнь била его все эти годы, но он при случае с удовольствием давал ей ответного пинка. Он успел сменить множество профессий – от странствующего сборщика фруктов до классного механика и станочника. Во время войны он оказался за океаном, что способствовало не только раскрытию его таланта к языкам, но и научило его общению с самыми разными людьми. Тогда же началась и его карьера профсоюзного лидера. Он начинал с рядового члена профсоюза «Индустриальные рабочие мира» и собственным трудом добился своего нынешнего относительно высокого положения. Официально он значился исполнительным секретарем местного профсоюза, на деле же он был известным специалистом в улаживании трудовых споров, с чьим мнением считались и в национальных советах. В молодости он увлекался радикальными идеями, что позволяло ему – как он любил выражаться – видеть радикализм изнутри. Теперь же он стал завзятым консерватором, защищавшим устои общества, – правда, клиентам этот его консерватизм обходился недешево. Он был самоучкой, хотя ему и нельзя было отказать в известной образованности или, скорее, начитанности. Из всех знакомых Коринфа в проворности он уступал разве что Нэту Льюису. Пита это очень забавляло.

– Привет, – сказал он. – Что-то ты сегодня припозднился.

– Я бы этого не сказал. – Мандельбаум говорил так же,

как говорят все жители Нью-Йорка, – резко и отрывисто. Это был небольшой жилистый седобородый человечек с крупными грубоватыми чертами лица и живыми темными глазами. – Сегодня утром мне в голову пришла замечательная идея, – в этом-то все и дело. План реорганизации. Поразительно, что до этого еще никто не додумался. Канцелярские работы сократятся вдвое. Я составлял схему.

Коринф недоверчиво покачал головой:

– Феликс, американцы так привыкли к разного рода бумагам, что не отдадут ни единого листочка.

– Ты не видел европейцев, – пробурчал в ответ Мандельбаум.

– Удивительно, – усмехнулся Коринф. – Удивительно, что эта идея пришла тебе в голову именно сегодня утром. (В следующий раз расскажи мне об этом поподробнее, – ты меня заинтриговал.) Сегодня я проснулся с готовым решением проблемы, которая мучала меня с месяц.

– Да? – Мандельбаум словно оценивал услышанное, вертел его перед собой, пробовал на ощупь. В конце концов он решил, что факт этот слишком малозначителен, чтобы обращать на него внимание. – Странно.

Лифт остановился, и они направились каждый в свою сторону. Коринф, как обычно, поехал на подземке. Машину он не приобретал, полагая, что она не окупит связанных с ней затрат. Оказавшись в вагоне, он тут же заметил, что там куда тише, чем обычно. Люди, казалось, никуда не спешили

и вели себя на удивление учтиво, они были погружены в задумчивость. Он было заволновался и даже стал заглядывать в газеты, пытаясь понять, что же не так, но в них не было ничего сенсационного, разве что материал о собаке, которая неведомо как раскрыла холодильник, вытащила оттуда мясо и тут же была уличена в этом. Кроме этого газеты писали о локальных войнах в разных концах мира, о забастовке, о демонстрации коммунистов в Риме и об автомобильной аварии, в которой погибло четыре человека.

Он вышел в нижнем Манхэттене и, слегка прихрамывая, направился к Институту Россмана, – идти нужно было всего три квартала. В свое время он попал в аварию, при этом пострадали его нос и правое колено. Последнее обстоятельство позволило ему избегнуть службы в армии, хотя своеобразным эквивалентом армейской службы можно было считать участие в Манхэттенском проекте, к которому он был привлечен сразу же по окончании колледжа.

При этом воспоминании он поморщился. Хиросима и Нагасаки лежали тяжелым грузом и на его совести. Сразу после войны он ушел оттуда, и не только потому, что хотел продолжить учебу или сменить затхлую атмосферу правительственного учреждения на нищую вольницу академического института, – это было бегство, вызванное нежеланием участвовать в преступлении. Потом последовали союз ученых-атомщиков, движение всемирных федералистов, партия прогресса… Все отличалось крайней несерьезностью, да и не могло

быть иным, ибо строилось на клише, подобных тем, которыми было принято говорить о советской угрозе. Позднее он понял это и сам, лишний раз оценив прозорливость ученых, отказывавшихся играть в эти игры.

Впрочем, был ли его нынешний уход в исследовательскую работу, где для политики попросту не находилось места, где все обращались в безвольных потухших демократов, более разумным? Нэйтан Льюис, присвоивший себе титул реакционера, являлся председателем местного отделения республиканской партии, что не мешало ему быть законченным пессимистом, ни при каких обстоятельствах не терявшим бодрости духа, – он постоянно с кем-то или с чем-то боролся; Феликс Мандельбаум был не менее реалистичным, чем постоянный оппонент Питера Льюис, он тоже был полон сил и надежд и даже мечтал о создании подлинной Американской Рабочей партии. Рядом с ними Коринф чувствовал себя едва ли не ничтожеством.

И ведь при этом я куда моложе их!

Он вздохнул. С ним происходило что-то не то. Мысли так и лезли ему в голову, возникая словно ниоткуда. Давно забытые образы и идеи, связываясь в новые цепочки, ни на мгновение не оставляли его в покое. И это именно в тот день, когда он, кажется, нашел решение своей проблемы.

Тут же навязчивый поток мыслей прекратился. Это тоже было необычно. Питер воспрянул духом.

Институт Россмана, громада из камня и стекла, занимал

добрых полквартала, на фоне своих более старых соседей он казался архитектурным шедевром. Для ученых это был подлинный рай. Сюда стягивались все способные люди, где бы они прежде ни жили и в каких бы областях ни работали, причем влекла их отнюдь не оплата, но, единственно, возможность беспрепятственно проводить свои исследования, имея в своем распоряжении первоклассное оборудование, чего не было ни в правительственных учреждениях, ни в промышленности, ни во многих университетах. Разумеется, без политики и злословия не обошлось и здесь, хотя роль их и была сведена к минимуму. Институт Перспективных Разработок был куда более открытым, динамичным и демократичным, чем любое другое подобное заведение. Некогда Льюис в разговоре с Мандельбаумом привел его как одно из доказательств того спорного положения, что привилегированный класс нуждается в культуре.

– Неужели вы считаете, что правительство станет выбрасывать деньги на ветер, и при этом предоставит институт самому себе?

– Конечно же нет. Достаточно вспомнить Брукхейвен.[5]

Обычно Мандельбаум был куда находчивее.

Коринф кивнул девушке, стоявшей у газетного киоска в холле института, поздоровался с парой знакомых и лишний

---

[5] Брукхейвен – Брукхейвенская национальная лаборатория, на протонном синхротроне которой (так называемом космотроне) была выполнена значительная часть работ по изучению элементарных частиц.

раз посетовал на медлительность лифта.

– Седьмой, – сказал он автоматически, едва перед ним раскрылась кабина.

– Мне бы этого не знать, доктор Коринф, – усмехнулся лифтер. – Вы здесь работаете… минуточку… Да, – вы здесь работаете уже шесть лет. Верно?

Физик прикрыл глаза. Лифтер был неотъемлемой частью института. Они обменялись обычными любезностями, не имевшими ровным счетом никакого смысла. И вдруг Коринф увидел в лифтере человеческое существо, уникальный живой организм, частицу огромной безличной целокупности мира, имеющую собственное сердце… *«Что это со мной?* – изумился он. – *Почему я вдруг об этом подумал?»*

– Знаете, сэр, – заговорил лифтер. – Вот что я подумал. Сегодня утром просыпаюсь и тут же понимаю, что мне чего-то сильно не хватает… Работа, пенсия – все это хорошо, но их одних мало, понимаете? – Он на миг замолчал, выпуская из кабины пассажира, выходившего на третьем этаже. – Кому я завидую, так это вам. Вы занимаетесь настоящим делом.

Лифт остановился на седьмом этаже.

– Но ведь вы при желании смогли бы посещать вечерние курсы, не так ли? – спросил Коринф.

– Возможно, я так и поступлю, сэр. Если вы будете столь любезны, что порекомендуете… Впрочем, об этом мы поговорим в другой раз. Мне надо спешить.

Двери бесшумно закрылись, и Коринф направился к своей лаборатории.

У него было два сотрудника, Иохансон и Грюневальд, два молодых энергичных человека, мечтавших со временем получить в свое распоряжение такие же лаборатории. И тот и другой уже сидели за своими столами. Коринф повесил пальто на вешалку.

– Доброе утро.

– Привет.

– Утро доброе.

– Ты знаешь, Пит, – начал Грюневальд, стоило шефу занять свое место. – Кажется, я понял, как должна выглядеть эта схема…

– *И ты, Брут…* – пробормотал Коринф, усаживаясь на стул. – Ну что ж, давай поговорим.

Находка Грюневальда и его собственная идея походили друг на друга как две капли воды. Иохансон, который обычно молчал, на сей раз принимал в обсуждении живейшее участие. Не прошло и получаса, как они стали покрывать бумагу таинственными символами электронных устройств и элементов, пытаясь начертать искомую схему.

Вполне возможно, институт вовсе не был пустой прихотью Россмана, хотя, имея такой банковский счет, можно было стать и альтруистом. Чистая наука способствует прогрессу промышленности. Россман нажил свое состояние на производстве легких металлов, его предприятия занимались и

обогащением руды, и выработкой готового продукта. Помимо этого он занимался и дюжиной иных проектов. Официально он практически отошел от дел, хотя все нити оставались в его руках. Даже бактериология могла принести существенную прибыль – не так давно в институте была закончена работа по экстракции нефти из сланцев. Перспективной была и тема Коринфа – исследование межмолекулярных связей в кристаллах, она могла существенно повлиять на развитие металлургии. Грюневальд уже довольно потирал руки, предвосхищая ту известность, которую им должна принести эта разработка. К обеду ими была составлена система дифференциальных уравнений в частных производных, которую в их машинное время следовало ввести в компьютер. После этого все занялись разработкой схем устройства.

Зазвонил телефон. Это был Льюис, приглашавший их отобедать вместе.

– У меня такая запарка, ты даже не представляешь… – ответил Коринф. – Наверное, я попрошу, чтобы мне принесли парочку сандвичей…

– Либо я поступлю так же, как и ты, либо мы куда-нибудь зарулим, – перебил Льюис. – Давай – говори, что я должен делать.

– Ладно, ладно… Буфет устроит?

– Если ты хочешь набить себе брюхо, то да. – Льюис предпочитал трехчасовые пиршества с вином и скрипками, к ко-

торым он привык в Вене, где он жил до аншлюса.[6] – В час жду тебя там. Народ к этому времени уже схлынет.

– Договорились.

Коринф повесил трубку и с прежним экстазом взялся за работу. Когда он посмотрел на часы, была уже половина второго. Сыпля проклятиями, он ринулся вниз.

Льюис уже садился за стол, когда перед ним вырос Коринф, державший в руках поднос.

– По твоему тону я сразу понял, что ты опоздаешь, – сказал Льюис. – Что будешь брать? Обычный набор: захлебнувшиеся в снятом молоке мышата, филе морского ежа, печеный повар… Н-да…

Он морщась отхлебнул кофе.

Льюис, невысокий коренастый человек сорока восьми лет от роду, был несколько полноват и лыс. Из-за очков в тонкой оправе на Питера смотрели его умные проницательные глаза. Он был душой любой компании, правда, восемь лет, проведенных им в Европе, сильно повлияли на его вкусы и пристрастия. Теперь он говорил, что ходить в рестораны его заставляют чисто гастрономические интересы.

– Льюис, – сказал Коринф с заносчивостью новообращенного, – тебе явно нужно жениться.

– Когда-то я считал так же. Ветреная юность миновала, и нужно было как-то устраиваться в этой жизни. Но… Но те-

---

[6] Аншлюс – насильственное включение Австрии в состав Германии, происшедшее в 1938 году.

перь говорить об этом поздно. – Он набросился на жаркое и, набив полный рот, продолжил: – Теперь меня больше интересуют исторические аспекты биологии.

– Ты говорил, что у тебя возникли какие-то проблемы…

– Главным образом это касается моих ассистентов. Сегодня все какие-то нервные. Юный Робертс носится с дичайшими идеями… Впрочем, такова уж моя работа. Я уже говорил тебе о ее сути? Я занимаюсь изучением нервных клеток – нейронов. Пытаюсь сохранять им жизнь в различных искусственных средах и наблюдаю за тем, как изменяются в зависимости от внешних условий их электрические свойства. Работая с живой тканью, мы в основном используем технику Линдберга-Каррела. Все шло более или менее неплохо, но сегодня при проведении стандартных замеров мы вдруг получили совершенно иные результаты. Я стал проверять все образцы – один за другим. Оказалось, что изменились они все!

Коринф изумленно вскинул брови и какое-то время жевал молча.

– Может быть, что-то не так с аппаратурой?

– Я бы этого не сказал. Все осталось прежним – изменились лишь клетки. Сдвиг не большой, но вполне заметный. – Льюис оживился и заговорил совсем иным тоном. – Ты знаешь, как работают нейроны? Как цифровая вычислительная машина. Она стимулируется… э-э-э… раздражителем, срабатывает и на какое-то время теряет активность. Сигнал при

этом передается следующему нейрону нерва, который ведет себя точно так же – срабатывает и на какое-то время отключается. И вот, оказывается, эта картина в одночасье изменилась. Время инактивации стало на сколько-то там микросекунд меньше, понимаешь? Это означает, что система как целое стала реагировать на стимулы куда быстрее. Увеличилась и интенсивность передаваемого сигнала.

Коринф на мгновение задумался и, растягивая слова, ответил:

– Вполне возможно, ты столкнулся с чем-то действительно серьезным…

– В чем причина столь замечательного эффекта? Среда, аппаратура – все такое, же, как вчера. Тут одно из двух – либо я кандидат на получение Нобелевской премии, либо – небрежный экспериментатор!

Очень медленно, словно боясь говорить об этом вслух, Коринф произнес:

– Странно, что это случилось именно сегодня…

– Что?

Коринф поведал ему о собственных успехах.

– Более чем странно… – согласился биолог. – И гроз в последнее время не было, – это я к тому, что озон стимулирует умственную деятельность. Впрочем, мои культуры находятся под стеклом…

Глаза Льюиса странно блеснули. Коринф оторвал взгляд от стола.

– Смотри-ка, и Хельга сюда пожаловала! Интересно, отчего она сегодня так поздно? Эй, привет!

Он поднялся на ноги и жестом пригласил Хельгу Арнульфсен сесть за их столик. Взяв свой поднос, она направилась в их сторону.

Это была высокая, стройная, интересная женщина с собранными в тугой узел длинными светлыми волосами. Она была бы еще привлекательнее, если бы не ее необыкновенная энергия и совершенно неженская жесткость. За годы, прошедшие со времени окончания войны, она сильно изменилась. Когда Коринф проходил в Миннесоте докторантуру, она изучала там же журналистику. Часто они проводили время вместе, хотя уже и тогда Коринф не мог думать ни о чем ином кроме своей работы, что не помешало ему серьезно увлечься совсем иной особой. Потом они переписывались, и он помог ей устроиться секретаршей в Институт. С той поры прошло всего два года, а Хельга уже была старшим референтом, причем справлялась она со своей работой блестяще.

– Ох! Ну и денек! – Быстрым движением руки она пригладила волосы, после чего, посмотрев на Коринфа, устало улыбнулась. – Все, кого ни возьми, вдруг оказались в незавидном положении. При этом крайняя, как всегда, я. Герти стала выкидывать фокус за фокусом…

– Что?! – испуганно спросил Коринф. Он очень рассчитывал на то, что большой компьютер решит систему уравнений в этот же день. – Что произошло?

– Это знают только Бог… и Герти. Но нам они ничего не скажут. Утром Алланби запустил тестовую программу, и она вдруг не прошла. Речь идет о каких-то мелочах, но и их вполне достаточно, чтобы свести все вычисления на нет. Он возится с ней с тех самых пор, пытаясь отыскать неисправность, но пока это ему не удается… Мне же придется заново составлять все расписания!

– Странное дело, – пробубнил Льюис.

– Что-то непонятное происходит и с другой аппаратурой, – в первую очередь, речь идет об отделах физических и химических исследований. Поляриметр Мюркисона дает ошибку… в целую десятую процента!

– Да ну! – Льюис подался вперед, от изумления у него отвисла челюсть. – Так, может, это не нейроны, а аппаратура? Нет, нет, это невозможно… Слишком уж заметный скачок… Хотя, если все инструменты врут…

Он выругался по-немецки, хотя глаза его сияли по-прежнему.

– И еще. Сегодня всех вдруг будто осенило, – продолжила Хельга. – У всех какие-то там новые идеи, всем нужна центрифуга и все такое прочее. Когда я напомнила им, что существует определенная очередность, они меня чуть не съели!

– Говоришь, все это случилось именно сегодня? – Коринф отодвинул от себя десерт и достал из кармана пачку сигарет. – «Все удивительней и удивительней», – сказала Али-

са. – Глаза его вдруг расширились, а рука, чиркнувшая спичкой по коробку, едва заметно дрогнула. – А что, если это…

– Явление глобальное? – продолжил Льюис с едва скрываемым волнением. – Может, так оно и есть… Хорошо бы с этим разобраться.

– О чем это вы? – удивленно спросила Хельга.

– Это мы о своем…

Пока она ела, Коринф успел рассказать ей обо всем. Льюис все это время сидел молча, задумчиво покуривая сигару.

– Гм-м… – Хельга принялась нервно постукивать пальцами по столу. Ногти свои она не красила. – Звучит любопытно. Все нервные клетки, включая и те, из которых состоит наш мозг, стали функционировать… быстрее, так?

– Все еще серьезней, – попробовал усмехнуться Коринф. – Что-то произошло на более глубоком уровне… Электрохимический феномен? Я полагаю, лучше не гадать, а заняться изучением этой проблемы вплотную.

– Да. Я предоставляю это право тебе. – Хельга закурила. – Не мне ломать голову над подобными проблемами – у меня и без того хватает дел. – Она посмотрела на Коринфа с нежной улыбкой, которой удостаивались очень немногие. – Да, а как поживает Шейла?

– Все в порядке. Как ты?

– Нормально.

Она сказала это совершенно безразличным тоном.

– Ты обязательно должна побывать у нас в гостях. – Он

пытался поддержать вежливый разговор, хотя уже не мог думать ни о чем, кроме новой проблемы. – Давненько тебя не было. Можешь прийти не одна.

– Ты имеешь в виду Джима? На прошлой неделе я дала ему отставку. Сама же я зайду непременно. – Она встала из-за стола. – Ну что – по местам?.. До встречи.

Она направилась к столику кассира. Коринф – неожиданно для себя – пробормотал вслух, проводив ее взглядом:

– Интересно, почему ей не везет с мужчинами? Она ведь и собой хороша, и достаточно умна…

– Она этого не хочет, – хмыкнул в ответ Льюис.

– Да, похоже на то… А ведь в Миннеаполисе она была совсем другой. Что с ней могло стрястись? Льюис пожал плечами.

– Думаю, тебе это известно, – сказал Коринф. – Ты почему-то всегда понимал женщин лучше. И ты ей нравишься больше всех прочих.

– Нам обоим нравится музыка, – буркнул в ответ Льюис. По его мнению, в ней после 1900 года не было создано ничего сколь-нибудь значимого. – И мы оба умеем держать язык за зубами.

– Ладно, ладно, – засмеялся Коринф, поднимаясь из-за стола. – Пойду-ка я в лабораторию. Конечно, жаль расставаться с фазовым анализатором, но эта новая проблема… – Он сделал небольшую паузу. – Слушай, а почему бы не разделить эту работу между всеми? Каждый сделает что-то

свое, понимаешь? Тогда мы быстро со всем этим разберемся.

Льюис молча кивнул и последовал за Коринфом.

К вечеру результат уже был известен. Едва Коринф взглянул на цифры, он почувствовал, как все у него внутри похолодело. Он вдруг почувствовал себя крошечным и ничтожным.

Изменились все электромагнитные явления.

Речь шла о каких-то долях процента, но это было уже неважно. То обстоятельство, что физические константы изменились, обращало в прах сотни теорий. Проблема в силу своей тонкости была достаточно сложной. Как узнать истинное значение тех или иных величин, если известно, что средства измерения тоже изменились, поскольку их характеристики определяются интересующими нас величинами?

И все же существовали пути решения проблемы. В этом мире нет ничего абсолютного, все существует во взаимосвязи – одни величины определяются другими, другие – третьими, и так далее. Важно именно это.

Коринф занимался определением электрических постоянных. Для металлов они оставались такими же или почти такими же, однако у изоляторов существенно изменились удельное сопротивление и диэлектрическая проницаемость – они стали чуть-чуть ближе к проводникам.

Лишь в сложных прецизионных устройствах, таких, как компьютер «Герти», изменение электромагнитных характе-

ристик могло привести к сколь-нибудь заметным проявлениям. И все же самым сложным и самым сбалансированным устройством, известным человеку, был не компьютер, а живая клетка. Самыми же развитыми клетками были нейроны коры головного мозга. Здесь изменения были просто явными. Незначительные электрические импульсы, представляющие работу нейрона – активность чувств, моторные реакции, мысли, – распространялись быстрее и имели большую величину.

Изменения могли только начинаться.

Хельга поежилась.

– Ух как выпить хочется, – пробормотала она.

– Я знаю здесь один бар, – отозвался Льюис. – Я составлю вам компанию, а потом снова вернусь на работу. Ты как. Пит?

– Я иду домой, – ответил физик. – Желаю весело провести время.

Последние слова Коринф произнес еле слышно. Он спустился вниз и вышел из Института, даже не заметив того, что в холле уже не горит свет. Другим происходящее все еще представлялось чем-то замечательным, он же не мог удержаться от мысли о том, что Вселенная одним небрежным движением подвела человека к последней грани… Интересно, что могло произойти при этом с прочими живыми телами, с жизнью как таковой?

На этот час они сделали все, что было в их силах. Они

провели все возможные замеры. Хельга связалась с вашингтонским Бюро стандартов и известила их о полученных результатах. В ответ ей сказали, что подобные же сообщения были получены Бюро и от других институтов, находящихся в разных частях страны. «Завтра, – подумал Коринф. – *По-настоящему они поймут это завтра*».

На улице – а это был все тот же Нью-Йорк – в этот вечерний час все было как и всегда, разве что несколько потише. Он купил на углу газету и тут же кинулся ее просматривать. Может быть, он ошибается? Или же все-таки нечто едва уловимое проникло и на страницы газет, ничуть не смутив бдительных редакторов, изменившихся вместе со всем миром? Ни о чем сколь-нибудь значимом речь в газете не шла – событие было слишком грандиозным для того, чтобы за столь краткое время возможно было оценить его масштаб; не изменился и мир – он рушился, снедаемый войнами, волнениями, подозрениями, страхами, ненавистью и алчностью, – он был смертельно болен.

Коринф поймал себя на том, что он уже минут десять просматривает первую полосу «Таймс». Он сунул газету в карман и поспешил к подземке.

Глава 3

Всюду происходило что-то неладное. Утром исполненный негодования крик заставил Арчи Брока броситься к курятнику. Там он увидел Стэна Уилмера, в одной руке тот держал ведерко с кормом, другой – грозил небесам.

– Ты только посмотри! – крикнул Уилмер. – Полюбуйся! Брок просунул голову за дверцу курятника и присвистнул от изумления. Все было перевернуто вверх дном. Пара окровавленных мертвых птиц неуклюже распласталась на полу, несколько курочек нервно кудахтало на насестах. Куда подевались остальные куры, можно было только гадать.

– Похоже, кто-то забыл закрыть дверцу, а ночью сюда пожаловали лисы, – сказал Брок.

– Да. – Уилмер нервно сглотнул. – Какой-то сукин… Брок вспомнил о том, что курятником занимался сам Уилмер, но решил не говорить об этом вслух. Тот, видимо, подумав о том же, на мгновение осекся, но тут же, нахмурившись, продолжил:

– Не знаю… Вечером, прежде чем отправиться спать, я как обычно зашел и сюда… Все было нормально – могу в этом поклясться, – и дверца была закрыта, и крючок накинут. Я работаю здесь уже пять лет, но никогда ничего подобного со мной не случалось.

– Может быть, дверцу открыли попозже? Уже после того,

как стемнело?

– Да. Похититель кур… Странно, что собаки при этом не залаяли – как только поблизости появляется какой-нибудь человек, они тут же начинают тявкать. – Уилмер нервно пожал плечами. – И все-таки кто-то ведь ее должен был открыть.

– А потом сюда пришли лисы. – Брок носком ноги перевернул одну из мертвых птиц. – Их скорее всего вспугнули собаки.

– После чего курочки разбрелись по лесу… Чтобы их собрать, нужно не меньше недели – если, конечно, они уцелеют. Вот напасть, так напасть!

Уилмер помчался неведомо куда, забыв прикрыть дверцу курятника. Брок сделал это за него, поражаясь собственной осмотрительности и здравомыслию.

Он вздохнул и вернулся к работе. Сегодня все животные вели себя как-то беспокойно. Арчи чувствовал, что и с его головой что-то явно не так. С тех пор как ему в голову стала лезть всякая всячина, прошло уже две ночи. Должно быть, в округе ходила какая-то эпидемия – что-нибудь вроде лихорадки.

Он решил в ближайшие дни поговорить об этом со сведущими людьми. Работы сегодня у него было предостаточно – нужно было распахать только что расчищенную от леса северную делянку. Трактора были заняты на культивации, поэтому пахать он должен был на лошадках.

Ему это нравилось. Брок любил животных и ладил с ними куда лучше, чем с людьми. Конечно, последние годы его никто не обижал, но прежде, когда он был ребенком, его дразнили дети, потом у него возникали неприятности, связанные с машинами, а однажды он испугал двух девочек и его побил брат одной из них… С тех пор прошло уже много лет. Теперь господин Россман говорил ему, что можно делать, а чего нельзя, – он как бы опекал его, – и тут же все неприятности исчезли сами собой. Теперь он мог запросто пойти в таверну и попить там пива вместе со всеми.

С минуту он стоял на месте, поражаясь собственным мыслям и той боли, которую они ему причиняли. *«Со мной все в порядке,* – подумал он. – *Хотя и не умник, зато не слабак. Господин Россман сказал, что я у него лучший работник».*

Он пожал плечами и направился к конюшне. Арчи был молодым человеком среднего роста, крепким и мускулистым, с крупными чертами лица и круглой головой с рыжими волосами, остриженными под «ежик». Синяя его роба была сильно поношенной, но чистой; госпожа Берген, жена старшего управляющего, в доме которого снимал комнату Арчи, следила за тем, чтобы их постоялец выглядел прилично.

В просторной конюшне царил полумрак, пахло лошадьми и сеном. Стоило Арчи набросить сбрую на коренастых першеронов, как они тут же начали пофыркивать и бить копытами. Это было странно – прежде лошадок отличало крайнее спокойствие.

– Ну, ну, что ты… Успокойся, Том… Тпру! Джерри, полегче! Они немного присмирели, и он вывел их наружу. Привязав лошадей к столбу, Арчи отправился в сарай за плугом.

Вокруг него, резвясь, носилась его собака по кличке Джо – высокий ирландский сеттер, шерсть которого на солнце отливала золотом и медью. Конечно, на самом деле Джо принадлежал господину Россману, но сильнее всего он был привязан именно к Броку, в обязанности которого входила и забота об этой собаке.

– Что ты, дружок, что ты… А ну-ка перестань! Слышишь? Что это с тобой сегодня?

Отсюда было видно все поместье: с одной стороны – фермы, с другой – укрывшиеся зеленью деревьев домики для наемных работников, за ними – леса, раскинувшиеся на многие и многие акры. Меж этой частью поместья и огромным белым домом, в котором жил хозяин всех здешних земель, были и луга, и сады, и огороды. Что до самого дома, то он теперь был практически пуст – дочери господина Россмана повыходили замуж, а его жена умерла. Сам господин Россман сейчас был здесь – он приезжал сюда, на север штата Нью-Йорк, в основном для того, чтобы ухаживать за своими цветами. Брок никак не мог взять в толк, для чего могут быть нужны такому миллионеру, как господин Россман, все эти розы. Конечно, со старыми людьми случается и не такое, и все же…

Ворота сарая со скрипом отворились, и Брок выкатил на-

ружу тяжеленный плуг. «Не многим такое под силу», – подумал он с гордостью. Заметив, как застыли лошади при виде плуга, Брок усмехнулся. Эти твари были на удивление ленивы и при малейшей возможности пытались увильнуть от работы.

Он подвел плуг к столбу, повернул дышло и запряг лошадей. После этого одним ловким движением он отвязал поводья от столба, уселся на плуг и, стегнув лошадей по их широким спинам, скомандовал:

– Но-о!

Лошади стояли на месте, лениво перебирая ногами.

– Вы что – оглохли?! Но-о!!!

Том начал пятиться.

– Тпру! Тпру!

Свободным концом вожжей Брок сильно огрел коня по спине. Том захрапел и ударил своим огромным копытом по дышлу. То сломалось, словно спичка.

Долгое время Брок сидел на месте, не в силах вымолвить ни слова. Наконец он затряс своей рыжей головой и пробормотал:

– Это случайность… Случайность.

Все звуки разом стихли. Брок вспомнил о том, что в сарае лежит еще одно – запасное – дышло. Прихватив новое дышло и парочку инструментов, он вернулся к упряжке и стал снимать разбитую оглоблю.

– Стойте! Стойте! Эй!!!

Брок удивленно поднял глаза, и тут же слуха его достиг безумный визг и рев. Мимо него промчалась огромная черная свинья, за ней – другая, третья… Свиньи сбежали из свинарника!

– Джо! – закричал он, несколько удивившись быстроте своей реакции. – Останови их, Джо! Гони их назад!

Собака поняла все с полуслова и молнией устремилась вслед за свиньями. Обогнав ту, что бежала впереди, она стала кусать ее, отчего свинья с ревом повернула назад и с такой же скоростью устремилась в обратном направлении. Джо побежал за следующей свиньей. Со стороны загона выбежал Стэн Уилмер. Лицо его было белее снега.

Брок перекрыл путь еще одной свинье. С четвертым животным его постигла неудача – свинья, торжествующе хрюкая, скрылась в лесу. Через несколько минут большинство свиней было уже в загоне, улизнуть удалось немногим.

Уилмер никак не мог отдышаться. Голос его от волнения стал хриплым.

– Я все это видел своими собственными глазами, – прохрипел он. ~ Боже, какой ужас! Это ведь невозможно! Брок перевел дух и отер пот с лица.

– Ты слышишь?! – Уилмер схватил его за руку. – Я видел все это собственными глазами! Свиньи сами открыли ворота!

– Да ну?!

От изумления у Брока отвисла челюсть.

– Я же говорю – я сам это видел! Одна из них встала на задние ноги и мордой сняла крючок! Это сделала именно свинья! А все остальные стояли рядом с ней и ждали, когда загон откроется! Понял?

Из-за деревьев появился Джо. Он гнал перед собой жалостно повизгивающую свинью. Видно было, что та сдалась, – она покорно бежала прямиком к воротам загона. Уилмер приоткрыл ворота, пропуская ее вовнутрь.

– Хороший мальчик, хороший! – сказал Брок, потрепав сеттера по шелковистой голове. – Умный пес!

– Уж, слишком он у тебя умный. – Уилмер прищурился. – Он когда-нибудь этим занимался?

– Наверняка, – ответил Брок без тени сомнения. Джо тем временем вновь понесся к лесу.

– Опять отправился охотиться за свиньями. – В голосе Уилмера слышались нотки ужаса.

– Конечно. Он ведь у нас умница.

– Надо бы поговорить об этом с Биллом Бергеном… Уилмер зашагал прочь. Посмотрев ему вслед, Брок пожал своими широкими плечами и вновь занялся делом. К тому времени как он приладил новое дышло, Джо пригнал к загону еще двух свиней и теперь сидел возле ворот.

– Хороший, – похвалил собаку Брок, – я попрошу, чтобы тебе за это косточку дали…

Он перезапряг Тома и Джерри, которые, казалось, были очень довольны происходящим.

– Ладно, бездельники, – отдохнули и хватит… Но-о!

Лошади медленно попятились назад.

– Эй!!! – изумленно воскликнул Брок.

На этот раз дышло осталось цело. Двигаясь очень медленно, кони наступили на плуг, и под их тяжестью резец лопнул. Брок почувствовал, что еще немного, и он сойдет с ума.

– Нет… – еле слышно пробормотал он.

Когда Уилмер узнал о том, как вели себя лошади, у него едва не случился припадок. Берген стоял рядом, фальшиво посвистывая.

– Даже не знаю… – Он почесал свою рыжеватую голову. – Значит, так. Все работы, связанные с животными – разумеется, кроме дойки и кормления, – мы временно прекращаем. Все ворота запираем на замки и нанимаем кого-нибудь для того, чтобы следить за внешней оградой… Старику я доложу обо всем.

– Мне бы ружьишко не помешало, – сказал Уилмер.

– Ну что ж, с этим спорить я не стану, – согласно кивнул Берген.

Арчи Броку было поручено наблюдать за четырехмильной лесной границей владений Россмана. Он с удовольствием отправился туда, прихватив с собой ошалевшего от счастья Джо.

Как тихо было в лесу! Сквозь недвижные зеленые ветви то тут, то там пробивались яркие лучики солнца. Сквозь про-

светы в кронах деревьев виднелось голубое небо, на котором в этот день не было ни облачка. Ветер совершенно стих. Кроме хруста веточек под его ногами и тихого шелеста раздвигаемых им трав, в лесу не было слышно ни звука. Птицы почему-то смолкли, белки куда-то скрылись, овцы, любившие пастись на здешних полянах, ушли в лесную чащу. Этот зеленый мир, казалось, чего-то ждал, к чему-то готовился.

Может быть, скоро начнется гроза?

Он покачал головой. Легко представить, как испугаются люди, если животные вдруг поумнеют. Люди держат их взаперти, кастрируют, заставляют работать, убивают, снимают с них шкуры, едят их. Если животные станут умными, они этого уже не допустят. Взять Тома и Джерри. Они всегда были на редкость покладистыми, зато теперь…

Стоп! Может быть, умнее стали и люди? Последние два дня они были куда разговорчивее, чем обычно, и говорили они не только о погоде и соседях, но и рассуждали о том, кто победит на предстоящих выборах и в чем состоят преимущества автомобилей с задним расположением двигателя. Конечно, разговоры на подобные темы велись и прежде, но они случались куда реже и не вызывали такого интереса. Госпожа Берген, которая прежде только и знала, что смотреть телевизор, неожиданно стала читать журнал, что тоже было необычно.

«Я тоже становлюсь умнее!»

Эта мысль поразила его как удар грома. Он долго стоял

на месте, боясь шелохнуться. Джо подбежал к нему и стал удивленно обнюхивать его руку.

«Я становлюсь умнее!»

В этом можно было не сомневаться. Он вспоминал и говорил странные, чуждые ему прежде вещи. Умнел не только он – умнел весь мир.

«Я умею читать, – сказал Брок самому себе. – *Хотя и не очень хорошо. Они научили меня ал-фа-виту – я умею читать комиксы. Может быть, теперь я пойму и настоящую книгу?»*

В книгах содержались ответы на вопросы, которые возникли у него так внезапно, речь в них шла о солнце, луне и звездах, о том, почему бывают зима и лето, для чего нужны президенты и отчего случаются войны, о том, кто живет на обратной стороне Земли, и…

Он затряс головой, не в силах совладать с той странной, неведомой ему силой, которая заставляла его удивляться, заставляла спрашивать, искать. Он никогда ничем не интересовался. Нечто происходило и тут же забывалось. Так было всегда. *«Но…* – Он изумленно посмотрел на собственные руки. – *Кто я? Что я здесь делаю?»*

Внутри у него все словно кипело. Он прислонился лбом к прохладному стволу дерева, слушая, как в ушах стучит кровь.

«Боже, пусть так будет. Пусть я стану таким, как другие…»

Наконец ему удалось справиться с собой и он направился дальше, проверяя, как ему и было сказано, состояние ограды.

Вечером, покончив с делами, он надел чистый костюм и пошел к большому дому. Господин Россман сидел на веранде, покуривая трубку и перелистывая своими тонкими пальцами толстенную книгу. Брок скромно остановился в сторонке и, сняв с головы кепку, стал терпеливо ждать, когда его заметит хозяин.

– О, привет, Арчи, – подняв глаза от книги, удивленно протянул Россман. – Как у тебя дела?

– Все хорошо, спасибо большое. – Брок мял в руках кепку, переминаясь с ноги на ногу. – Можно с вами поговорить?

– Разумеется. Поднимайся сюда. – Господин Россман отложил в сторону книгу. – Присаживайся.

– Нет, нет, спасибо. Я… – Брок облизнул внезапно пересохшие губы. – Мне у вас надо кое о чем спросить.

– Можешь не стесняться, Арчи, – я слушаю. – Господин Россман, расслабившись, откинулся на спинку кресла. Он был высоким худощавым человеком с тонкими чертами лица, принявшего в эту минуту несколько горделивое выражение, и с совершенно седыми волосами. Родители Брока когда-то снимали у него жилье. Когда стало понятно, что их сыну в этой жизни надеяться особенно не на что, он взял мальчика под свою опеку. – У тебя все в порядке?

– М-м-м… Я хотел бы поговорить о том, что недавно про-

изошло… Об этом самом изменении.

– Что? – Россман нахмурился. – Каком таком изменении?

– Вы знаете. Животные стали умными и непослушными.

– Ах это… – Россман выпустил изо рта целое облако дыма. – Скажи мне, Арчи, а ты в себе никаких изменений не ощущаешь?

– Да, то есть… ну да, – наверное, да… Россман с пониманием закивал:

– Ну конечно же… В противном случае ты не пришел бы сюда…

– Что происходит, господин Россман? Что случилось?

– Я не знаю. Арчи. Этого никто не знает. – Старик вздохнул. Сумерки быстро сгущались. – Почему ты решил, будто что-то не так? Может быть, все как раз так?

– Выходит, вы не знаете…

– Нет. Этого не знает никто. – Бледная, исчерченная синими жилками рука Россмана коснулась газеты, лежавшей на столе. – Они ограничиваются неясными намеками. Но скрыть ничего невозможно. Я уверен, им известно куда больше, но правительство, опасаясь паники, ограничивает свободу информации… – Он зло усмехнулся. – Словно можно скрыть то, что охватило весь мир! Там, в Вашингтоне, они будут упорствовать до последнего!

– Но, господин Россман… – Брок воздел руки к небу, но тут же бессильно опустил их. – Что мы можем сделать?

– Мы должны ждать. Ждать и быть начеку. Скоро я от-

правлюсь в город. Мне самому хотелось бы понять происходящее… Эти мои умники в Институте должны были…

– Вы уезжаете?!

Россман улыбнулся и утвердительно кивнул:

– Бедный Арчи. Как ужасно быть беспомощным, правда? Иногда мне кажется, что люди боятся смерти именно по этой причине – от нее невозможно уйти, она неизбежна! Впрочем, и фатализм – всего лишь попытка уйти от этих мыслей… Мы несколько отвлеклись от темы, не так ли?

Он долго курил молча. Летний сумрак наполнился стрекотаньем насекомых и шорохом трав.

– Да, – сказал он наконец. – Это чувствую даже я. И это не слишком-то приятно… Я говорю не о нервозности и не о ночных кошмарах – их, я полагаю, можно объяснить физиологией, – я имею в виду мысли… Я привык считать себя неплохим мыслителем – и в смысле сообразительности, и в смысле логики. Теперь же во мне появилось нечто такое, чего я совершенно не понимаю. Порой вся моя жизнь начинает казаться мне немощным бессмысленным карабканьем. И все же я считаю, что близким и стране я всегда служил верой и правдой и кое-что для них все-таки сделал. – Он вновь заулыбался. – Надеюсь, мне удастся увидеть конец всего этого… Как это должно быть интересно!

На глаза Брока навернулись слезы.

– Что я должен буду делать?

– Делать? Жить. Проживать день за днем. Разве человек

способен на что-то иное? – Россман поднялся из кресла и положил руку Броку на плечо. – И еще – всегда думай. Ты и твои мысли должны оставаться здесь, они должны касаться земного, иначе они обратятся в ничто. Ни в коем случае не уступай права мыслить другим, пусть тебе и предложат совершить за тебя все твои ошибки. Мне пришлось сыграть в твоей жизни роль феодала, Арчи, но похоже, необходимости в этом уже нет.

Брок не понял и половины обращенных к нему слов, однако сделал для себя вывод, что ничего особенно страшного с миром не происходит.

– Я вот что хотел… – смущенным тоном сказал Арчи. – Можно взять у вас какие-нибудь книги? Может быть, я теперь и читать смогу.

– Конечно, Арчи, конечно! Идем в библиотеку. Посмотрим, с чего тебе лучше будет начать…

Глава 4

Подборка отдельных заголовков номера «Нью-Йорк таймс» от двадцать третьего июня:

ПРЕЗИДЕНТ НЕ ВИДИТ ОПАСНОСТИ В «МОЗГОВОМ» УСКОРЕНИИ

«СПОКОЙНО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ НА РАБОТУ, – СОВЕТУЮТ В БЕЛОМ ДОМЕ. – НИЧЕГО СТРАШНОГО С НАМИ НЕ ПРОИСХОДИТ».

Американские ученые работают над проблемой – скоро ответ будет найден

ФОНДОВУЮ БИРЖУ ЛИХОРАДИТ – ВЗГЛЯД С УОЛЛ-СТРИТ

Спад торговой активности приведет к краху рынка ценных бумаг

Америке угрожает рецессия – мнение специалиста

ВОЕННЫЙ МЯТЕЖ В КИТАЕ

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОБЪЯВЛЯЕТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ ОСНОВАНА НОВАЯ РЕЛИГИЯ

Сойер объявляет себя «Третьим Ваалом» перед тысячами собравшихся

ФЕССЕНДЕН ТРЕБУЕТ СОЗДАТЬ МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Дебаты в Сенате: изоляционистская позиция Айовы

ПО МНЕНИЮ ДЖОНСОНА, МИРОВОЕ

ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ СПРАВИТСЯ С СУЩЕСТВУЮЩИМИ ПРОБЛЕМАМИ

СЕНАТОР ОТ ШТАТА ОРЕГОН ТРЕБУЕТ ВОЗВРАТА К ПРОШЛОМУ

Бунт в приюте для слабоумных

АЛАБАМСКИЙ БЕСПРЕДЕЛ

Конференция.

Все работали допоздна; встреча, которую устраивал у себя Коринф, началась только в десять. Шейла, как и обычно, приготовила сандвичи и кофе и, сев в уголке, стала тихо беседовать с Сарой Мандельбаум. Время от времени они поглядывали на своих супругов, как ни в чем не бывало игравших в шахматы. Чувствовалось, что обе изрядно напуганы.

Так хорошо, как сейчас, Коринф не играл еще никогда. Раньше они с Мандельбаумом играли примерно на равных, при этом если физик играл неспешные хорошо продуманные партии, то профсоюзный деятель больше полагался на неожиданные импровизации. Однако сегодня молодой человек был слишком рассеян. Он вынашивал замыслы, которые поразили бы своей глубиной и самого Капабланку, но Мандельбаум при этом умудрялся прорываться через линии обороны противника, срывая его расчеты самым что ни на есть варварским образом. Наконец Коринф со вздохом отсел от стола.

– Я сдаюсь, – сказал он. – Через семь ходов мне будет мат.

– Не совсем так… – Мандельбаум указал своим кривым

пальцем на королевского слона. – Если ты походишь им сюда, а потом…

– Да, да – ты прав… Это уже неважно. У меня, честно говоря, нет настроения играть. Куда Нэт запропастился?

– Придет. Можешь не волноваться.

Мандельбаум пересел в кресло и принялся набивать табаком свою трубку.

– Не понимаю, как ты можешь сидеть, в то время как…

– В то время как рушится мир? Послушай, Пит, сколько себя помню, это происходило всегда. Сказать, что сейчас что-то существенно изменилось, я не могу, – как говорится, пушки еще не заговорили.

– Они могут сделать это в любую минуту. – Коринф, заложив руки за спину, подошел к окну. Город был полон огней. – Феликс, неужели ты не понимаешь, что этот новый фактор в корне изменит всю нашу жизнь, если, конечно, мы выживем… Определенный тип людей строил это общество для себя. Теперь человек стал другим, понимаешь?

– Очень в этом сомневаюсь. – Мандельбаум чиркнул спичкой о подошву своего башмака, и та, громко зашипев, вспыхнула ярким пламенем. – Мы все те же скоты, что и прежде.

– Каким был твой Ай-Кью до сдвига?

– Понятия не имею.

– Неужели тебя никогда не тестировали?

– Ну почему же. Куда бы я ни поступал на работу, нани-

матели всегда интересовались моим интеллектом. Меня же результат тестирования никогда особенно не волновал. Сам посуди – что в нем особенного?

– Это еще как сказать. Тест выявляет умение оперировать данными, абстрагироваться от избыточной…

– При этом предполагается, что ты белый, принадлежащий к евро-американской культурной традиции. Тест создавался для представителей именно этой культуры. Бушмену из Калахари казалось бы странным то обстоятельство, что здесь не выявляется способность тестируемого отыскивать воду. Для него это куда важнее умения манипулировать числами. Я не хочу преуменьшать роли визуализации и логических способностей в формировании личности как целого, но у меня нет и твоей трогательной веры в то, что все определяется ими, а не чем-то иным. Человек Не столь тривиален. Какой-нибудь механик может оказаться куда более жизнеспособным типом, чем, скажем, твои математики.

– Смотря о каких условиях будет идти речь.

– Это положение справедливо для любых условий. Способность к адаптации, выносливость, быстрота реакции – этим определяется все.

– Я думаю, большую роль играет доброта… – робко промолвила Шейла.

– Это уже роскошь, увы… Хотя именно подобная роскошь и делает нас людьми, – сказал Мандельбаум. – Доброта по отношению к кому? Порой человек должен отбрасывать сдер-

жанность и давать волю инстинктам. Иногда войны становятся необходимостью.

– Будь люди чуточку разумнее, их бы не существовало… – возразил Коринф. – Если бы Гитлера остановили уже на Рейне, разве началась бы вторая мировая война? С ним бы справилась одна дивизия. Политики же были настолько глупы, что…

– Они здесь ни при чем. Существовали причины, по которым посылать туда дивизию было… м-м-м… не слишком-то удобно. Девяносто девять процентов человечества вне зависимости от умственных способностей предпочитает удобное разумному, при этом о последствиях своих поступков люди, как правило, предпочитают не думать. Так уж мы устроены. Если мы вспомним о том, сколько ненависти и предрассудков заключено в этом мире, о том, что люди, как правило, относятся к ним либо с безразличием, либо даже пытаются извлечь из них какую-то выгоду, мы поразимся не существованию войн, но их редкости. – Голос его исполнился горечи. – Может быть, так называемые практичные люди, то есть те, кто способен к адаптации, правы? Может быть, самое моральное для меня – думать прежде всего о себе, о жене и о маленьком кривоногом Хасане? Один из моих сыновей так и поступил. Сейчас он живет в Чикаго. Он изменил фамилию и форму своего носа. И не то чтобы он стеснялся своих родителей, нет… Просто он избавил свою семью от массы оскорблений и неприятностей. И я, право слово, не знаю –

восхищаться ли его изворотливостью или же обвинять его в бесхребетности.

– Мы ушли от темы нашего разговора, – несколько растерянно сказал Коринф. – Сегодня мы собираемся для того, чтобы постараться понять, что же происходит с нами и с миром. – Он покачал головой. – Мой Ай-Кью за неделю увеличился со 160 до 200. Мне в голову приходят вещи, которые были немыслимы для меня прежде. Профессиональные проблемы обратились в сущий пустяк. Но при этом в голове царит дикий хаос. Меня стали посещать диковиннейшие мысли, и некоторые из них явно носят нездоровый характер. Я стал нервным, словно котенок, – пугаюсь собственной тени и боюсь неведомо чего! То и дело я вижу какие-то гротескные картины – как в страшном сне.

– Просто ты пока не привык к своему новому мозгу, – сказала Сара.

– Я чувствую примерно то же, что и Пит, – тихо пробормотала Шейла. – Мне все это как-то не нравится.

Сара развела руками и недоуменно покачала головой:

– А мне так даже и забавно.

– Все определяется личностной основой, которая не подвержена изменениям, – хмыкнул Мандельбаум. – Сара всегда была человеком достаточно приземленным. Ты просто не принимаешь свой новый разум всерьез, либхен. Для тебя абстрактное мышление – пустая забава. Действительно, к домашней работе оно не имеет никакого отношения. – Он

сделал несколько затяжек и, сощурившись, продолжил: – Со мной, Пит, тоже происходит нечто подобное, но я гоню от себя всю эту чушь. Почти все эти вещи как-то связаны с физиологией, а мне сейчас, сам понимаешь, не до нее. Происходит что-то немыслимое. Теперь каждый член профсоюза идет прямиком к нам и начинает объяснять, что же нам следует делать. Приходит, скажем, представитель союза электриков и говорит, что электрики, мол, должны начать забастовку и не прекращать ее до той поры, пока власть в стране не перейдет им в руки! В меня на другой день даже выстрелили из дробовика!

– Что?

Все изумленно уставились на Мандельбаума. Тот фыркнул и пожал плечами:

– К счастью, стрелок был никудышным. Что до темы нашего разговора… Кто-то сбрендил, кто-то растерялся, большинство же просто напугано! Люди, пытающиеся подобно мне как-то удержать эту ситуацию, как-то совладать с нею, только наживают себе врагов. Они стали задумываться почаще, да вот думают они, к сожалению, не о том.

– Верно, – согласился Коринф. – Средний человек… – Его прервал звонок в дверь. – Должно быть, это они. Входите.

В дверях появилась Хельга Арнульфсен. За ее стройной фигурой угадывалось дородное тело Нэйтана Льюиса. Хельга выглядела такой же спокойной и сдержанной, как и всегда, однако под глазами у нее появились тени.

– Не весело, да? – спросила Шейла с участием. Хельга изобразила на лице некое подобие улыбки.

– Кошмары мучают.

– Меня тоже.

При этих словах Шейла содрогнулась.

– Нэт, куда это вы своего психолога подевали? – поинтересовался Коринф.

– В последнюю минуту он раздумал идти с нами, – ответил Льюис. – Он изобрел какой-то новый тест и сейчас не желает думать ни о чем другом. Что до его партнера, то тот наблюдает за тем, как крысы выбираются из лабиринта. Только не надо из-за этого расстраиваться – нам и без них найдется о чем поговорить. – Из всех присутствующих вполне владеть собой удавалось только Льюису – он был слишком увлечен внезапно открывшимися перспективами, чтобы думать о собственных проблемах. Он подошел к столику и взял сандвич. – М-м-м, как вкусно… Шейла, бросала бы ты свою нынешнюю, пресную, как вода, жизнь и шла бы замуж за меня!

– Сменить воду на пиво – так? – робко улыбнулась Шейла.

– Не в бровь, а в глаз! Я смотрю, ты тоже стала другой! Но ты меня явно недооцениваешь – следует говорить не о пиве, а о шотландском виски!

– Перейдем к делу, – произнес мрачным тоном Коринф. – Мы собрались здесь не с какой-то определенной целью. Просто мне представляется, что совместное обсуждение извест-

ной всем вам темы позволит нам лучше осознать происходящее и, возможно, приведет нас хоть к каким-то идеям…

Льюис уселся за стол.

– Я смотрю, правительство уже не отрицает того факта, что происходит что-то необычное, – сказал он, кивком головы указав на лежавшую перед ним газету. – Я думаю, иного выхода у них попросту не было… Но от этого паника вряд ли уляжется. Люди напуганы, они не знают, что их может ждать в следующую минуту… Когда я направлялся сюда, я увидел человека, носившегося по улице и кричавшего о том, что наступил конец света. В Центральном парке творилось что-то несусветное. Возле одного из баров скандалили пьяницы, и их уже никто не останавливал. Потом завыли пожарные сирены – где-то за Квинз большой пожар.

Хельга закурила сигарету и, прикрыв глаза, вздохнула.

– Джон Россман уже в Вашингтоне, – сказала она и тут же добавила, обращаясь к Мандельбаумам: – Он появился в Институте пару дней назад, засадил наших умников за исследование этого феномена и, получив некие результаты, которые держатся в секрете, вылетел в столицу. Если кто и сможет разобраться с этой историей, так это он.

– Я не стал бы называть происходящее «историей», – хмыкнул Мандельбаум. – Эти мелочи, которые испытывает каждый из нас, свидетельствуют о каком-то значительном сдвиге. Но составить некую цельную картину происходящего, я думаю, вряд ли возможно.

– Всему свое время, – едва ли не радостно изрек Льюис, взяв со столика чашечку кофе и еще один сандвич. – Я нисколько не сомневаюсь в том, что в течение ближайшей недели события примут еще более интересный оборот.

– Не подлежит сомнению… – Коринф поднялся из кресла и принялся расхаживать по комнате из стороны в сторону. – Не подлежит сомнению то, что изменения продолжаются. Процесс идет. Насколько можно судить по показаниям наших лучших приборов, которые, как вы знаете, сами подвержены определенным изменениям, он начинает ускоряться.

– Точность измерений достаточно невысока, но мне кажется, следует говорить о гиперболической зависимости… – кивнул Льюис. – Таким образом, друзья, мы находимся в самом начале пути. Если так будет продолжаться и дальше, на той неделе наш Ай-Кью будет уже где-то в районе четырехсот.

Они долго сидели молча. Коринф непроизвольно сжал руки в кулаки, Шейла, странно всхлипнув, поспешила к нему и повисла у мужа на плече. Мандельбаум, нахмурившись, обдумывал услышанное и пускал кольца дыма, одной рукой он обнимал безутешную Сару, и она была ему за это очень благодарна. Хельга сидела совершенно неподвижно, лицо ее при этом не выражало ровным счетом ничего. Под ними и вокруг них шумел город.

– И что же теперь будет? – спросила с дрожью в голосе

Шейла. Она буквально тряслась от страха. – Что будет со всеми нами?

– Это знает только Бог, – мягко ответил Льюис.

– А не можем ли мы меняться до бесконечности? – поинтересовалась Сара.

– Нет, – покачал головой Льюис. – Не можем. Все определяется возможностями нейронных цепочек. Предельные скорость и уровень сигнала заданы самой физической структурой клетки. Если мы превысим их, то нас будут ждать безумие, идиотизм и, наконец, смерть.

– И на сколько же нас еще может хватить? – поинтересовался практичный Мандельбаум.

– Понятия не имею. Сущность наблюдаемого изменения и устройство клетки изучены нами крайне слабо. Что до Ай-Кью, то о нем можно говорить только до определенного момента. Говорить о том, что Ай-Кью равно четыремстам, уже абсурдно – при таких показателях разум уже перестает быть разумом, он обращается во что-то другое.

Коринф был слишком увлечен собственными исследованиями, для того чтобы интересоваться успехами группы Льюиса. О том, что ситуация может оказаться столь ужасной, он даже не подозревал.

– Давайте забудем о конечных результатах, – вмешалась в разговор Хельга. – С этим мы все равно ничего не можем поделать. Сегодня важно другое – как сохранить нашу цивилизацию? Не сегодня-завтра возникнет вопрос – что нам есть?

Коринф, справившись с волнением, утвердительно кивнул:

– Все продолжает идти своим чередом только благодаря социальной инерции. Люди по большей части все еще придерживаются своих старых обычаев и привычек. Однако продолжение…

– Вчера из Института уволились дворник и лифтер, – перебила Коринфа Хельга. – Прежняя работа их больше не устраивает – она слишком монотонна. Что будет с нами, когда все дворники, мусорщики, землекопы и рабочие конвейеров уйдут с работы?

– Вряд ли это сделают все, – не согласился Мандельбаум. Выколотив трубку, он взял в руки чашечку кофе. – Кто-то побоится, у кого-то хватит здравого смысла не делать этого, и так далее. Все не так просто. Я согласен с тем, что мы вступаем в тяжелый переходный период – люди бросают работу, они насмерть перепуганы, они сходят с ума… В этих условиях нам не обойтись без организации, которая помогла бы нам пережить ближайшие несколько месяцев. Профсоюзы могли бы стать ее ядром. Именно над этим я сейчас и работаю. Когда все будет проговорено и согласовано, я выйду со своим предложением в муниципалитет.

Какое-то время все молчали. Посмотрев на Льюиса, Хельга спросила:

– Вы представляете себе, что может быть причиной того, что происходит в мире?

– Идей у нас превеликое множество, – ответил биолог. – Одна другой лучше. Думаю, через какое-то время все станет ясно.

– Это физическое явление затронуло, по меньшей мере, всю Солнечную систему, – заявил Коринф. – Этот результат получен астрономами, которые провели ряд спектроскопических исследований. Вполне возможно, что солнце, совершающее движение вокруг центра Галактики, попало в некое силовое поле… Да, от общей теории относительности отказываться пока не стоит! О чем это я? Ах да… Теоретически более вероятной представляется несколько иная ситуация, при которой мы *вышли* из силового поля, замедлявшего скорость света и таким образом воздействовавшего на все электромагнитные и электрохимические процессы.

– Иными словами, – медленно выговорил Мандельбаум, – мы, что называется, вернулись к норме? Вся наша прежняя жизнь проходила в ненормальных условиях, так?

– Вполне возможно. Да вот только для нас прежние условия были единственно нормальными. Мы – их порождение. Знаете, что бывает с глубоководными рыбами, когда их вытаскивают на поверхность? Их разрывает изнутри.

– Н-да! Приятная перспектива – ничего не скажешь!

– Мне кажется, что смерти я особенно не боюсь, – тихо промолвила Шейла. – Но меняться так, как сейчас…

– Держите себя под жестким контролем – только и всего! – сказал Льюис неожиданно резко. – Я нисколько не сомнева-

юсь в том, что нынешняя неуравновешенность многих сведет с ума. Не окажитесь в их числе.

Он стряхнул пепел с сигареты и – теперь уже совершенно бесстрастно – продолжил:

– Нашей лаборатории удалось кое-что выяснить. Как сказал Пит, речь идет о физическом явлении – появлении или исчезновении некоего силового поля, влияющего на электронные взаимодействия. В количественном выражении эффект этот достаточно скромен. Обычные химические реакции идут практически так же, как и прежде – в сфере неорганики ничего необычного не происходит. Но чем сложнее и развитее структура, тем большим должен быть и эффект, верно?

Вы, вероятно, обратили внимание на то, что в последнее время вы стали более энергичными. Занявшись изучением основных метаболических процессов, мы обнаружили, что определенное их ускорение действительно присутствует. Ускорились и ваши моторные реакции, хотя вы сами не замечаете этого, поскольку изменилось и ваше субъективное чувство времени. Иными словами, наблюдается незначительное изменение ряда соматических функций мышечной, железистой и сосудистой систем, заставляющее нас нервничать. Однако, если не произойдет ничего более кардинального, мы быстро привыкнем к этому.

Самые высокоорганизованные клетки – нейроны, и в первую очередь нейроны коры головного мозга, претерпе-

ли самые существенные изменения. Ускорилась работа всех систем восприятия – это показывают объективные наблюдения. Наверняка вы стали читать быстрее – верно? Время реакции на любой раздражитель стало существенно меньшим.

– Я слышала о том же от Джонса, – холодно подтвердила Хельга. – Это тут же сказалось на статистике дорожных происшествий. На прошлой неделе их число значительно сократилось. Если у людей становится лучше реакция, они лучше управляют машиной, – здесь нет ничего удивительного.

– Как же, как же… – покачал головой Льюис. – Им быстро надоест езда со скоростью шестьдесят миль в час, и они станут гонять куда быстрее. Аварий больше не станет, но зато последствия их будут теперь совсем иными.

– Но если люди поумнели, – вмешалась в разговор Шейла, – они поймут, что…

– К сожалению, на это надеяться не приходится. – Мандельбаум отрицательно покачал головой. – Человек как таковой не изменился, верно? Умные люди делают глупости ничуть не реже, чем прочие. Блистательный ученый может нисколько не заботиться о своем здоровье, или покровительствовать спиритуалистам, или…

– Или голосовать за демократов, – усмехнулся Льюис. – Все правильно, Феликс. Со временем возросшие потенции разума не могут не повлиять на всю структуру личности, но пока мы будем иметь дело с прежними слабостью, невежеством, предвзятостью, ограниченностью и непомерными ам-

бициями. У них появилось больше силы, энергии и хитроумия, способного оправдать все что угодно – было бы на то желание. Именно это, а не что-то иное ведет человечество к гибели, – Голос Льюиса исполнился неожиданной силы. – Однако позвольте мне вернуться к главной теме нашего разговора. Самая высокоорганизованная материя на свете это, конечно же, человеческий мозг – «серое вещество» или, если угодно, «вместилище сознания». Он чувствует наличие или – если теория Пита верна – отсутствие названного поля как ничто иное на Земле. Он стимулирован куда сильнее прочих частей человеческого организма. Возможно, вы не слишком отчетливо представляете себе, насколько сложным образованием является человеческий мозг. Все прочее рядом с ним кажется не сложнее детского конструктора. Потенциальных межнейронных связей здесь во много раз больше, чем атомов во Вселенной – их количество выражается единицей с несколькими миллионами нулей. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что незначительное изменение электрохимических законов, которое практически никак не сказывается на соматике, вызывает радикальные изменения в сознании человека. Вспомните о том, как влияют на человека небольшие дозы алкоголя или наркотиков, и сопоставьте это с нынешней ситуацией. По-настоящему любопытный вопрос состоит в том, может ли столь сбалансированная функция, как мышление, пережить подобный скачок.

Он говорил об этом без тени страха, глаза его возбужден-

но блистали из-за толстых стекол очков. Его интересовал сам феномен и ничего более. Коринф легко мог представить, как тот слабеющей рукой фиксирует основные моменты процесса собственного умирания.

– Ладно, – вздохнул физик, – поживем – увидим.

– Как это у тебя язык поворачивается такое говорить?! – возмутилась Шейла. – Нужно что-то делать, а не сидеть сложа руки!

– Милая моя, – усмехнулась Хельга. – Неужели ты действительно считаешь, что мы способны что-то изменить?

Глава 5

Подборка отдельных заголовков номера «Нью-Йорк таймс» от тридцатого июня:

ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЙ ЗАМЕДЛЯЕТСЯ

Упадок налицо – последствия необратимы

ТЕОРИЯ РЭЙЕДЕРА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ВЕРНОЙ

ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ ПОЛЯ СОЗДАНА

РЭЙЕДЕР И ЭЙНШТЕЙН. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЗВЕЗДНЫХ ПЕРЕЛЕТОВ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОТОВО УЙТИ В ОТСТАВКУ

ПРЕЗИДЕНТ ПРИЗЫВАЕТ МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ К БЛАГОРАЗУМИЮ

НОВЫЙ ЛИДЕР ПРОФСОЮЗОВ НЬЮ-ЙОРКА МАНДЕЛЬБАУМ ГОТОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВЛАСТЯМИ

Революции в странах советского блока Запрет на публикацию новостей – организованное сопротивление растет

ВОЗМОЖНО, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ НОВОЕ ОРУЖИЕ И НОВАЯ ТАКТИКА

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС УГЛУБЛЯЕТСЯ

Голодные бунты в Париже, Дублине, Риме, Гонконге

ФЛОТ НА ГРАНИ ГИБЕЛИ – МАССОВОЕ УВОЛЬНЕНИЕ ПОРТОВЫХ РАБОЧИХ

ЛОС-АНДЖЕЛЕС: КУЛЬТ «ТРЕТЬЕГО ВААЛА» ШИРИТСЯ

Национальная гвардия деморализована – ключевые позиции в руках фанатиков – уличные бои продолжаются

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ ПРОТИВ СЕКТАНТОВ

Убивший смотрителя тигр сбежал из зоопарка Бронкса

ПОЛИЦИЯ НАЧАЛА ОХОТУ НА ХИЩНИКА

Власти рассматривают вопрос об отстреле всех потенциально опасных животных

ГАРЛЕМ – УГРОЗА НОВЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ НА РАСОВОЙ ПОЧВЕ

Шеф полиции: «Вчерашние события – только начало».

Панические настроения усиливаются

ЧЕЛОВЕК ИЗМЕНИЛСЯ «ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ» – МНЕНИЕ ПСИХИАТРА

Кирнс из Беллевью: «Непредсказуемость последствий нейронного ускорения делает невозможным не только контроль».

На следующий день газета уже не вышла – на складе кончилась бумага.

То, что Броку доверили присматривать за поместьем, казалось ему довольно-таки странным. Но странных вещей в

эти дни и без того было предостаточно.

Сначала уехал господин Россман. Затем, буквально на следующий день, на Стэна Уилмера напали свиньи. Едва он вошел в загон, чтобы покормить их, как они с визгом дружно набросились на него и, сбив с ног, принялись топтать своими могучими ногами. После того как он пристрелил парочку свиней, они оставили его в покое и, сокрушив изгородь, исчезли в лесу. Уилмер был изранен настолько серьезно, что его пришлось отправить в госпиталь, при этом он поклялся, что ни за что на свете не вернется назад. В тот же день уволились и оба работника.

Брок был слишком погружен в себя, слишком увлечен духом перемен, для того чтобы обращать на это внимание. Почти все время он был предоставлен самому себе – все работы, кроме жизненно важных, были приостановлены на неопределенное время. Он присматривал за животными, поил и кормил их, ни на минуту не расставаясь с пистолетом, висевшим у него на поясе. Как и прежде, его неразлучным спутником был Джо. Все остальное время Брок посвящал чтению или же просто сидел, подперев голову руками, и думал.

Билл Берген пригласил его к себе через пару дней после истории со свиньями. Внешне управляющий ничуть не изменился. Тот же высокий, рыжеватый, нескорый на слова человек с непременной зубочисткой во рту. Казалось, что теперь он стал говорить еще медленнее.

– Знаешь, Арчи, – с трудом выговорил Берген, – Смит тоже уволился.

Брок, опустив глаза, переминался с ноги на ногу.

– Сказал, что хочет поступить в колледж. Как я его ни отговаривал – все впустую. – В голосе Бергена слышалась известная толика презрения. – Вот идиот… Через месяц никаких колледжей не останется. Теперь, стало быть, нас здесь осталось четверо: мы с женой, Фосс и ты.

– Да, негусто… – промямлил Брок, чувствуя, что не сказать ничего нельзя.

– Сейчас со всей работой может справиться и один человек, – сказал Берген. – Хорошо, что сейчас лето… Кони и коровы могут пастись сколько угодно, и хлев чистить не надо.

– А как быть с урожаем?

– Что тут поделаешь? Лучше об этом и не задумываться. Брок поднял глаза. Берген всегда был лучшим здешним работником, и слышать из его уст такое было по меньшей мере странно.

– Слушай, Арчи, ты, наверное, поумнел, как и все остальные, верно? – спросил Берген. – Я так полагаю, ты теперь пришел к норме, – разумеется, я говорю о прежней норме… И это еще не все – скоро ты станешь еще умнее.

Брок почувствовал, как его лицо запылало жаром.

– Прости, я вовсе не хотел тебя обидеть. Ты хороший человек. – Какое-то время он сидел, бесцельно перебирая бумаги, лежавшие на столе. Наконец Берген поднял глаза на

Брока. – Слушай, Арчи, теперь ты будешь здесь самым главным.

– Что?

– Я тоже уезжаю.

– Но, Билл, как же…

– Все нормально, Арчи. – Берген поднялся на ноги. – Ты ведь знаешь, моей жене всегда хотелось попутешествовать, мне, признаться, тоже было о чем призадуматься. Объяснить тебе все это я вряд ли сумею, но это и неважно… Мы отправляемся на запад на нашей машине.

– Но, но… господин Россман – он ведь рассчитывает…

– Я полагаю, существуют более важные вещи, чем проблемы, связанные с поместьем Россмана, – бесстрастно ответил Берген. – Ты вполне сможешь управиться с ним независимо от того, останется здесь Фосс или уедет.

Изумление и ужас сменились презрением:

– Ты что – боишься животных?

– Да ты что. Арчи… В любом случае ты умнее их, и у тебя помимо прочего есть руки. Револьвер элементарно решает все проблемы. – Берген подошел к окну. Стоял ясный ветреный день, лучи солнца играли в шумевших листвой ветвях деревьев. – На самом деле эта ферма сейчас безопаснее любого другого места. Если система производства и распределения продовольствия рухнет, что в нынешних условиях вполне вероятно, тебя это в любом случае не коснется. Что касается меня и моей жены… Мы уже не молоды, понима-

ешь? Всю свою жизнь я был честным, прямым и совестливым человеком. Но мне ужасно жаль, что все эти годы я прожил зря.

Он отвернулся.

– Прощай, Арчи.

Это была команда.

Брок вышел во двор, покачивая головой и сокрушенно вздыхая. Джо жалобно заскулил и ткнулся носом ему в ладонь. Брок погладил его по золотистой шерстке и сел на скамейку.

«Проблема в том, – подумал он, – *что умнее стали не только я, и не только животные, но и все остальные… О том, что сейчас происходит в голове Билла Бергена, знает только Бог».*

Эта мысль повергла его в ужас. Новые немыслимые доселе возможности разума казались ему теперь чем-то пугающим. Он боялся даже думать о том, как же сейчас должны чувствовать себя нормальные люди, кем они теперь стали…

Понять это было трудно. Богом Берген, конечно же, не стал. Глаза его не сверкали нечеловеческим блеском, голос не ревел, он не строил двигателей, извергавших пламя, и не возводил башен до небес. Это был все тот же высокий сутулый человек с усталостью во взгляде. Он не изменился, как не изменился и мир.

Деревья были такими же зелеными, за кустами роз щебетала пташка, на спинке скамейки сидела кобальтово-синяя

муха.

Броку вдруг смутно вспомнилась церковная служба, пару раз виденная им в детстве. Конец света – небеса разверзаются, и ангелы изливают на сотрясающуюся землю свой гнев. А потом придет Бог и будет судить сынов человеческих. Ему вдруг показалось, что он слышит стук огромных копыт. Он напряженно замер, но тут же понял, что это шумят на ветру ветви деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.